

14. Kryzhanovskaya L., Pilyagina G. Suicidal Behavior in the Ukraine, 1988–1998 // *Crisis*. – 1999. – Vol. 20, № 4. – P. 184–190.
15. Mokhovikov A., Donets O. Suicide in the Ukraine: epidemiology, knowledge, and attitudes of the population // *Crisis*. – 1996. – Vol. 17, № 3. – P. 128–134.
16. UKRSTAT. 2010. Database of the State Statistics Committee of Ukraine (<http://www.ukrstat.gov.ua/>).
17. Varnik A., Kolves K., Vali M., Toeding L.M., Wasserman D. Do alcohol restrictions reduce suicide mortality? // *Addiction*. – 2007. – Vol. 102, № 2. – P. 251–256.
18. Wasserman D., Varnik A. Suicide-preventive effects of perestroika in the former USSR: the role of alcohol restriction // *Acta Psychiatr. Scand.* – 1998. – Vol. 94, Suppl. № 3. – P. 1–4.
19. Wasserman D., Varnik A., Eklund G. Male suicides and alcohol consumption in the former USSR // *Acta Psychiatr. Scand.* – 1994. – Vol. 89, Suppl. № 5. – P. 306–313.
20. Wasserman D., Varnik A., Eklund G. Female suicides and alcohol consumption during perestroika in the former USSR // *Acta Psychiatr. Scand.* – 1998. – Vol. 94, Suppl. № 3. – P. 26–33.
21. Yur'yev A., Yur'yeva L., Varnik P., Varnik A. Risk and Protective Factors for suicide mortality in Ukraine // *Chinese Mental Health Journal*. – 2011. – Vol. 25, Suppl. 19. – P. 261.
22. Yur'eva L. Rural-Urban Variation in Suicide Rates // *Suicide in Eastern Europe, the CIS, and the Baltic Countries: Social and Public Health Determinants A Foundation for Designing Interventions Summary of a Conference*. – 2013. – P. 54–64.
2. Nemcov A.V. Alkogol'naja istorija Rossii: Novejsij period. – M.: «LIBROKOM», 2009. – 320 s.
3. Polozhij B.S. Makrosocial'nye determinanty chastoty suicidov v Rossii // *Materialy s'ezda psichiatrov Rossii*. – M., 2005. – S. 446–447.
4. Jur'eva L.N. Istorija. Kul'tura. Psihicheskie i povedencheskije rasstrojstva. – K.: Sfera, 2002. – 314s.
5. Jur'eva L.N. Klinicheskaja suidologija: [monografiya]. – Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. – 472 s.
6. Jur'eva L.N. Suidologicheskaja situacija v Ukraine: realii i perspektivy // *Ukraïns'kij visnik psihonevrologii*. – 2007. – Tom 15, vyp. 1 (50). – S. 34–36.
7. Jur'eva L.N., Zinchenko E.N., Jur'ev A.E. Dinamika urovnja samoubijstv v Ukraine i ee regional'nye osobennosti // *Psihichne zdorov'ja*. – 2010. – Vipusk 2 (27). – S. 75–78.
8. Jur'eva L.N., Jur'ev A.E. Dinamika suidal'noj smernosti v Ukraine // *Ukraïns'kij visnik psihonevrologii*. – 2012. – Tom 20, vip. 3 (72). – S. 239.

SUICIDE IN UKRAINE: STATISTICS AND EPIDEMIOLOGY

*L.N. Yur'yeva, * A.E. Yur'ev***

*Dnipropetrovsk State Medical Academy,
Dnipropetrovsk, Ukraine

**Harlem Hospital Center, New York, USA

Article presents the analysis of statistical data, reflecting to the dynamics of suicide mortality in Ukraine during last 30 years (1981–2010). Four periods of historical dynamics of suicide mortality were separated. Analysis of epidemiologic data reflecting to prevalence of suicide behavior (ideation, plan and attempt) among residents of Ukraine was presented. Results introduce more objective picture of the problem of suicide mortality in Ukraine and discover country specific risk factors and facilitate regional suicide prevention programs.

Key words: dynamics of suicide mortality, prevalence of suicide behavior, epidemiology.

Транслитерация:

1. Kak nam umen'shit' chislo suicidov v Ukraine / [V.V. Dombrovskaja, V.A. Rozanov, L.N. Jur'eva i dr.]. – Odessa, 2007. – 50 s. – (Proekt mezhdisciplinarnoj programmy suidal'noj prevencii).

УДК: 616.89–008.44

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОУБИЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (на материалах Курской губернии)

С.В. Богданов

ФГАУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Белгород, Россия

Контактная информация:

Богданов Сергей Викторович – доктор исторических наук. Место работы и должность: профессор кафедры истории ФГАУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Телефон: (905) 677-64-09, e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru

Показано, что динамика суицидальной активности населения Курской губернии на протяжении пореформенного периода (второй половины XIX века) характеризовалась постоянным увеличением количества умерших от самоубийств. Темпы роста и городского и сельского населения Курской губернии значительно опережали темпы ро-

ста числа самоубийств. Значительное преобладание мужчин, добровольно совершивших акт насилия над собой, над женщинами в этой губернии явилось достаточно типичным для губерний Европейской части России.

Ключевые слова: самоубийство, смертность от насильственных и внезапных причин.

Проблемы высокой смертности населения России от внешних причин продолжают фокусировать на себе внимание специалистов различных отраслей научного знания. Однако, не смотря на вполне очевидные успехи отечественных специалистов, отдельные аспекты исторической демографии продолжают быть слабо изученными. Одним из таких своеобразных «белых пятен» является выявление динамики, основных тенденций и особенностей одного из видов насильственной смертности среди населения Курской губернии в пореформенные десятилетия – самоубийств.

Справедливости ради необходимо напомнить, что отдельные проблемы насильственной смерти в Курской губернии получили свое отражение еще 1832 г. в одном из немногочисленных исследований, специально посвященных данной проблеме. Речь идет о докладе действительного члена Императорской Академии наук К.Ф. Германа «Изыскания о числах убийств и самоубийств в России в 1819-1820 годах, который был им озвучен в 1823 г. Однако тематика, затронутая в докладе, вызвала крайне негативную реакцию в правящих кругах. Поэтому вплоть до отмены крепостного права на пути научных исследований данных проблем «народной нравственности» стояли серьезные препятствия.

Кратко остановимся на структуре смертности населения Курской губернии в пореформенные десятилетия. В 1884 г. она распределилась следующим образом: более 95% умерло от естественных причин, около 2% пришлось на внешние причины и около 3% так и остались невыясненными.

В абсолютных цифрах основные причины смерти населения Курской губернии в 1884 г. выглядели следующим образом: от естественных причин умерло 92818 человек обоего пола, от ушибов, ран, замерзших и отравившихся – 1720 человек. Насильственно погибших (убийства и самоубийства) было зафиксировано 137 человек. При этом доля самоубийств в общем количестве насильственных смертей составила в этом году более половины – 56,9%.

В самой структуре смертности населения губернии от внешних причин сложилась следующая ситуация. Наибольшее количество погибших от данного вида причин смерти бы-

ло от ушибов, ран, падений и пр. – чуть более 81%. Затем шли отравления – около 8%, самоубийства – 4%. Число убитых и замерзших оказалось одинаковым – по 3%. В то же время, вряд ли эти цифры полностью отражают реально существовавшую в действительности ситуацию со смертностью населения Курской губернии в разрезе причин убыли населения. Дело в том, что фактически у 3% от общего количества умерших (2959 человек) причины смерти оказались невыясненными.

Безусловно, здесь могут возникать сомнения в полноте учета и правильной диагностике судебно-медицинских органов, прежде всего, фактов насильственной смерти, которая могла быть замаскирована под смерть от естественных причин. В то же время, по мнению полицейских статистов, цифры корректировки вряд ли существенно изменили бы общую картину причин смерти населения в губерниях Европейской части Российской империи.

Абсолютные показатели свидетельствуют о том, что на территории Курской губернии на протяжении практически двух с половиной десятилетий пореформенного развития постепенно увеличивалось количество погибших как от насильственных и внезапных причин смерти, так и в результате суицида. За период с 1870 по 1893 гг. в Курской губернии 1430 человек свели счеты с жизнью. Таким образом, в среднем в год от данного вида насильственной смерти погибали около 60 человек. Сравнение по данному показателю с другими губерниями Европейской части Российской империи позволяет отнести данную губернию к разряду территорий со средним уровнем самоубийств.

Коэффициент смертности от самоубийств, в общем числе умерших насильственно и внезапно на протяжении исследуемого временного отрезка, в целом по губернии изменялся следующим образом: в 1870–1874 гг. он составил 9,0, в 1875–1887 гг. – 10,4, в 1888–1893 гг. – 10,5.

Итак, данный коэффициент на протяжении практически двух с половиной десятилетий в губернии, хотя постепенно и повышался, в то же время не подвергался значительным колебаниям. Об этом, в частности, свидетельствует динамика суицидальной активности населения Курской губернии в 1870-1893 годы.

Доля погибших от самоубийств в общем количестве погибших насильственно и внезапно в Курской губернии в пореформенные десятилетия была не столь значительной. Однако и число самоубийств, и их доля в общем количестве умерших от насильственных и внезапных причин в 1870–1893 гг. постоянно увеличивалась. Расчеты показывают, что в 1893 г. смертность населения в этом регионе от насильственных и внезапных причин увеличилась в сравнении с 1870 г. в 1,8 раза, от самоубийств – в 1,32 раза.

На протяжении всего рассматриваемого периода численность мужчин–самоубийц значительно превышала вклад женщин в этот вид смертности. Например, в 1870–1874 гг. среди всех покончивших жизнь самоубийством мужчин оказалось 81,8%, женщин – 18,2%; в 1875–1887 гг. мужчин – 73,8%, женщин – 26,2%; в 1888–1893 гг. мужчин – 68,3%, женщин – 31,7%. В то же время на протяжении этих практических двух с половиной десятилетий увеличивалась доля женщин в общем количестве покончивших жизнь самоубийством в Курской губернии.

Безусловно, данное явление явилось одним из противоречивых следствий масштабных социальных изменений, которые произошли в результате падения крепостного права в Российской империи и ускорившегося разрушения патриархальной семьи.

Итак, за 1871–1895 гг. количество погибших от самоубийств горожан в Курской губернии составило 249 человек, селян – 1181 человек. Количество погибших от самоубийств селян в этой губернии оказалось в 4,7 раза больше, чем горожан. Это отражало территориальное распределение и социальную стратификацию российской провинции второй половины XIX в., когда в сельской местности проживало более 85% населения страны. В то же время по количеству погибших от самоубийств в расчете на 100 умерших насильственно и внезапно жители городов опережали селян практически в два раза.

Выводы.

1. Динамика суицидальной активности населения Курской губернии на протяжении пореформенного периода характеризовалась постоянным увеличением количества умерших от данной причины. В то же время темпы роста и городского и сельского населения Курской

губернии значительно опережали темпы роста числа самоубийств.

2. Анализ статистики смертности населения в Курской губернии в исследуемый период свидетельствует о наличии около 3 тысяч скончавшихся в ежегодном исчислении, у которых причина смерти осталась неизвестной. Данное обстоятельство порождает сомнение в цифрах официальной статистики в отношении умерших насильственно и внезапно.

3. Значительное преобладание мужчин, добровольно совершивших акт насилия над собой, над женщинами в этой губернии явилось достаточно типичным для губерний Европейской части России.

Литература:

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. – М., 1956. – С. 44–45.
2. Розов Н.И. О наружном осмотре мертвых тел, производимых врачом по требованию полиции // Архив Судебной Медицины и общественной гигиены. – 1869. – № 1. – С. 81–83.

Транслитерация:

1. Rashin A.G. Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki / Pod red. akad. S.G. Strumilina. M., 1956. – S. 44–45.
2. Rozov N.I. O naruzhnom osmotre mertvyh tel, proizvodimyh vrachom po trebovaniyu policii // Arhiv Sudebnoj Mediciny i obshchestvennoj gigieny. – 1869. – № 1. – S. 81–83.

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF SUICIDE IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY (BASED ON KURSK PROVINCE MATERIALS)

S.V. Bogdanov

Belgorod National Research University, Russia

It is shown that the dynamics of suicidal activity of the population of Kursk province during the post-reform period (the second half of XIX century) was characterized by a constant increase in the number of deaths from suicide. The pace of growth and the urban and rural population of the province of Kursk significantly outpaced the growth in the number of suicides. Significant predominance of men voluntarily committed an act of violence against oneself, against women in this province was fairly typical of the provinces of the European part of Russia.

Key words: suicide, mortality from violent and sudden causes